

С. ГУРИЕВ,
доктор экономических наук,
ректор Российской экономической школы (РЭШ),

К. СОНИН,
кандидат физико-математических наук,
профессор РЭШ,
ведущий научный сотрудник ЦЭФИР

ЭКОНОМИКА «РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТИЯ»

Что такое «ресурсное проклятие»?

Термин «ресурсное проклятие» был введен английским экономистом Р. Аути¹ для объяснения парадоксального явления: значительного падения уровня жизни в странах — экспортерах нефти в 1970—1980-е годы. В течение двух с лишним десятилетий, прошедших с момента установления «нефтяного эмбарго» в 1974 г. (которое привело к резкому росту цен на нефть), показатель ВВП на душу населения, лучший экономический индикатор уровня жизни, в странах ОПЕК снижался в среднем на 1,3% в год, тогда как в остальных развивающихся странах он рос в среднем более чем на 2% в год.

Факт более медленного развития стран, богатых ресурсами, впервые был выявлен в межстрановом исследовании Дж. Сакса и Э. Уорнера². Они отмечали, что он вполне согласуется и с результатами исторического анализа экономического роста: в XVII в. бедные ресурсами Нидерланды обогнали богатую драгоценными металлами Испанию, а в конце XIX — начале XX в. Япония обогнала Россию.

---

¹ *Auty R.* Resource Abundance and Economic Development. Oxford: OUP, 2001.

² *Sachs J., Warner A.* Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper No W5398. December 1995; *Sachs J., Warner A.* Fundamental Sources of Long Run Growth // *American Economic Review Papers and Proceedings*. 1997. Vol. 87, No 2. P. 184—188. Сразу после этого аналогичные результаты были получены в работе Х. Сала-и-Мартина (*Sala-i-Martin X.* I Just Ran Two Million Regressions // *American Economic Review Papers and Proceedings*. 1997. Vol. 87, No 1. P. 178—183) и во многих других межстрановых исследованиях экономического роста. Более того, в недавних работах (см.: *Papyrakis E., Gerlagh R.* Resource-Abundance and Economic Growth in the U. S. // *European Economic Review*. 2007. Vol. 51. P. 1011—1039; *Cooke C., Aadland D., Coupal R.* Does the Natural Resource Curse Apply to the United States? / Mimeo. University of Wyoming, June 2007) аналогичный результат получен и при исследовании темпов роста отдельных штатов США (оказалось, что богатые ресурсами штаты действительно растут медленнее).

Между темпом экономического роста в 1970—1990-е годы и долей ресурсов в экспорте в 1970 г., даже если исключить богатые нефтью ближневосточные страны: Бахрейн, Ирак, Катар, Кувейт, Ливию, ОАЭ, Оман, Саудовскую Аравию (а их темпы роста в этом периоде были отрицательными!), есть очевидная отрицательная корреляция. Как показывают Дж. Сакс и Э. Уорнер, такое же отрицательное соотношение сохраняется и в межстрановых регрессиях с учетом начальных условий, уровня инвестиций, человеческого капитала. При этом величина эффекта достаточно велика: снижение доли ресурсов в экспорте на 10 п. п. приводит к повышению темпов роста на 1 п. п. в год!

Оказалось, что связь между природным изобилием и ростом очень устойчива. В указанной работе Х. Сала-и-Мартин рассмотрел более 2 миллионов спецификаций межстрановых регрессий для темпов экономического роста при разных комбинациях 62 переменных; он выделил 22 переменные, зависимость экономического роста от которых была статистически значима не менее чем в 90% случаев. В их число вошла и доля ресурсов в экспорте, причем именно с отрицательным знаком.

В отличие от широко распространенного мнения, результаты данных исследований не доказывают, что страны, богатые ресурсами, жили бы лучше, если бы избавились от них. «Ресурсное проклятие» — это отрицательное влияние *структуры* экономики на *темпы* экономического роста (а не на *уровень развития*). Чтобы развиваться быстрее, нужно не уничтожить природные ресурсы, а заменить их другой продукцией. «Ресурсное проклятие» свидетельствует об отрицательном влиянии не самого наличия природных ресурсов, а их *доминирования* в национальном хозяйстве. Например, США — одни из крупнейших производителей нефти в мире, но это производство играет в их экономике небольшую роль, не покрывая и половины ее потребностей.

Кроме того, с точки зрения *уровня* развития, многие богатые нефтью страны характеризуются более высоким показателем ВВП на душу населения, чем те, у которых мало ресурсов (в том числе и быстрорастущие). Несмотря на низкие темпы роста, характерные для Саудовской Аравии и Кувейта в последние 30 лет, они по-прежнему на порядок богаче Китая, который рос в это время в среднем на 10% в год. Стал бы Кувейт развиваться быстрее, если бы он по каким-то причинам лишился нефти? Скорее всего да, ведь тогда *уровень* его ВВП на душу населения резко упал бы, а чем беднее страна, тем выше, при прочих равных условиях, темпы ее роста.

«Голландская болезнь»?

Вместе с тем сам факт более медленного роста богатых ресурсами стран нетривиален и требует объяснения. Одно из самых очевидных — конфликт из-за ресурсов. Продолжающиеся гражданские войны в Нигерии и Судане служат тому подтверждением. Конечно, наличие нефти не обязательно является причиной войны, но само существование такого «приза» заметно увеличивает вероятность конфликта. О. Олссон

установил, что наличие в стране алмазов отрицательно сказывалось на экономическом росте в 1990—1999 гг. именно потому, что в богатых алмазами странах происходит гораздо больше вооруженных конфликтов, чем там, где этого ресурса нет³. Впрочем, это объяснение явно не исчерпывающее: в период 1973—1998 гг. ни Саудовская Аравия, ни Венесуэла не были ареной вооруженной борьбы за доступ к ресурсам, а падение уровня жизни наблюдалось и у них.

Другой возможный канал влияния природных ресурсов на экономическое развитие — так называемая «голландская болезнь». Ее механизм можно описать с помощью простой модели, в которой экономика страны состоит из трех секторов: ресурсного; всех торгуемых на мировом рынке товаров, кроме сырья; неторгуемых товаров, например услуг. «Торгуемость» товара не означает, что он экспортируется или импортируется; имеется в виду, что он в принципе может участвовать в международной торговле и, значит, его цена зависит от цен на зарубежные аналоги. Когда цена на продукцию ресурсного сектора повышается на длительное время, под влиянием роста зарплат у «сырьевиков» происходит отток рабочей силы из торгуемого сектора. Из-за притока в страну долларов национальная валюта дорожает, делая его продукцию менее конкурентоспособной, а на внутреннем рынке он проигрывает сектору услуг, цены на которые слабее связаны с мировыми. Иными словами, ресурсный и неторгуемый секторы подавляют развитие сектора торгуемых товаров⁴.

Этот макроэкономический эффект называется «голландской болезнью», потому что его первое описание появилось применительно к событиям в Нидерландах, где в конце 1950-х годов были обнаружены крупные месторождения газа, после чего доходы ресурсного сектора резко выросли⁵. С тех пор этот эффект не раз наблюдался и там, и в других странах. В 1970—1980-е годы, в первое десятилетие высоких цен на нефть, ее производство выросло почти в семь раз в Норвегии, в 2,5 раза — в Голландии, почти вдвое — в Великобритании. Поскольку промышленный выпуск в целом стагнировал (оставался почти неизменным в Норвегии, упал — в Великобритании и немного вырос — в Голландии), рост производства в нефтяном секторе и в секторе неторгуемых товаров сопровождался падением на почти такую же величину доли добавленной стоимости, произведенной в промышленности.

В конце 1970-х годов Бразилию поразили заморозки, и соседние страны, конкуренты Бразилии на мировом рынке кофе, получили неожиданный бонус. В Колумбии курс песо вырос почти в полтора раза по отношению к доллару и пострадали чуть ли не все остальные секторы экономики, кроме, конечно, госсектора, строительства и аренды жилья. В перерабатывающей промышленности, включая химию и металлургию, рост замедлился вдвое, а в легкой — и вовсе наступил спад.

Тем не менее убедительных систематических доказательств существования *причинно-следственной связи* между доходами от экспорта ресурсов и спадом промышленного производства нет. Как показано в работе М. Хатчисона, стагнацию в Норвегии, Голландии и Великобритании можно было объяснить и другими причинами: даже простые

³ Olsson O. Diamonds Are a Rebel's Best Friend // The World Economy. 2006. Vol. 29, No 8. P. 1133—1150.

⁴ Bruno M., Sachs J. Energy and Resources Allocation: A Dynamic Model of the "Dutch Disease" // Review of Economic Studies. 1982. Vol. 51, No 159. P. 845—859.

⁵ The Dutch Disease // The Economist. 1977. November 26. P. 82—83.

межстрановые сопоставления показывают, что спад наблюдался и во многих развитых странах, в экономике которых природные ресурсы играют незначительную роль⁶. Еще труднее применить теорию «голландской болезни» к анализу причин стагнации в странах ОПЕК: там, кроме ресурсного сектора и сектора неторгуемых товаров, других отраслей зачастую и нет. К 1998 г. в Саудовской Аравии 90% населения работало в госсекторе. Конечно, в отсутствие нефтяной промышленности в королевстве могла бы возникнуть и обрабатывающая; впрочем, этого не произошло и в период низких цен на нефть.

Особый интерес представляет вопрос о наличии «голландской болезни» в России. С 1999 г. реальный курс рубля по отношению к корзине основных мировых валют вырос на 90%; как показано в работе О. Замулина и К. Сосунова, укрепление реального курса в большой степени объясняется ростом мировых цен на нефть и увеличением производства и экспорта российской нефти⁷. Однако отраслевые данные не позволяют заключить, что Россия больна «голландской болезнью»: хотя цены в секторе услуг росли наряду с ценами на нефть, причинно-следственной связи между ними обнаружить не удалось⁸. Существенно, что не наблюдается главного признака «голландской болезни» — стагнации обрабатывающей промышленности: по темпам роста она не уступает сектору услуг⁹.

В недавней работе экономистов ОЭСР эти результаты подтверждаются сравнительным исследованием экономической динамики России и Украины, которую авторы не без оснований полагают самой подходящей моделью для «России без нефти и газа». При анализе данных, заканчивающихся 2004 г., стагнации обрабатывающей промышленности не обнаружено¹⁰. Что происходило в последние годы, когда цены на нефть существенно превышали уровень 2004 г., пока неизвестно, но скорее всего особых изменений не было; на это указывают и очень низкие темпы прироста добычи нефти и газа в 2005–2007 гг.

Почему России удалось избежать макроэкономической «голландской болезни»? О. Замулин и К. Сосунов анализируют возможности денежной политики в российской экономике и показывают, что в отсутствие Стабилизационного фонда борьба с удорожанием рубля могла бы привес-

---

⁶ *Hutchison M.* Manufacturing Sector Resiliency to Energy Booms: Empirical Evidence from Norway, the Netherlands, and the United Kingdom // *Oxford Economic Papers*. 1994. Vol. 46, No 2. P. 311–329.

⁷ *Sosunov K., Zamulin O.* Can Oil Prices Explain the Real Appreciation of the Russian Ruble in 1998–2005? // *CEFIR/NES WP83*. 2006.

⁸ *Волчкова Н.* Является ли «голландская болезнь» причиной энергозависимой структуры российской промышленности? // *Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ*. М., 2006.

⁹ Если бы российских экономистов в 2002 г. — когда цены на нефть были ниже 30 долл. за 1 барр. — спросили, что произойдет в случае их трехкратного роста, все бы согласились, что российская обрабатывающая промышленность не выживет. Защитники теории «голландской болезни» могут возразить, что рост промышленности обусловлен госзакупками; однако с точки зрения политической экономики даже и это не является серьезным аргументом. Раз правительству удастся перераспределять нефтедоходы между всеми отраслями экономики, значит, «голландской болезни» не наблюдается.

¹⁰ *Ahrend R., de Rosa D., Tompson W.* Russian Manufacturing and the Threat of „Dutch Disease“ — A Comparison of Competitiveness Developments in Russian and Ukrainian Industry // *OECD Economics Department Working Papers No 540*. January 2007.

ти к очень серьезному увеличению инфляции¹¹. В то же время в работе В. Полтеровича, В. Попова и А. Тониса утверждается, что для борьбы с «ресурсным проклятием» необходимо проводить макроэкономическую политику, подобную той, которая имела место в России в 2000-е годы, а именно накапливать валютные резервы и особенно средства в Стабилизационном фонде. Это позволяет контролировать рост обменного курса и избежать вытеснения несырьевой промышленности¹².

Еще один недостаток объяснения «ресурсного проклятия» «голландской болезнью» — чисто теоретический. Даже если она и вызывает замедление темпов роста обрабатывающих отраслей, общий ВВП растет; нефтяное богатство — все же благо для страны в целом. В принципе можно построить модель, в которой «голландская болезнь» приводит к отрицательным *долгосрочным* последствиям¹³. В такой модели требуется предположить, что есть динамические эффекты специализации (если при высоких ценах на нефть экспорт обрабатывающей промышленности сократится, то восстановить его потом будет трудно) и рано или поздно ресурсы закончатся — именно тогда и проявятся отрицательные последствия. Однако богатые ресурсами экономики начинают отставать по темпам роста еще до того, как ресурсы заканчиваются.

Роль институтов и «ресурсное проклятие»

Впрочем, еще более важным признаком несостоятельности гипотезы о макроэкономической природе «ресурсного проклятия» является то, что оно поражает не все страны, а только государства с неразвитыми политическими институтами. Согласно упомянутой статье В. Полтеровича, В. Попова и А. Тониса, имеет место «условное проклятие»: в странах с развитыми политическими и экономическими институтами нефтяное богатство не влияет на рост (или влияет положительно), а в незрелых демократиях отрицательный эффект присутствует; более того, в этих странах нефтяное изобилие приводит к задержкам в проведении реформ и дальнейшему разрушению институтов. В работе К. Сонины сформулировано предположение, что увеличение «нефтяного бонуса», усиливая борьбу за ренту, в условиях политического равновесия ослабляет спрос на хорошие институты¹⁴.

О том, что внезапное появление дополнительного источника крупных доходов позволяет отложить давно назревшие реформы, свидетельствует опыт различных стран (Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока). Доходы от нефти давали возможность проводить

¹¹ Sosunov K., Zamulin O. Monetary Policy in an Economy Sick with Dutch Disease // CEFIR/NES WP101. 2007.

¹² Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6.

¹³ Krugman P. The Narrow Moving Band, the Dutch Disease, and the Economic Consequences of Mrs. Thatcher: Notes on Trade in the Presence of Dynamic Economies of Scale // Journal of Development Economics. 1987. Vol. 27, No 1–2. P. 41–55.

¹⁴ Sonin K. Why the Rich May Favor Poor Protection of Property Rights // Journal of Comparative Economics. Symposium Issue on Appropriate Institutions for Growth (S. Djankov and A. Shleifer, guest editors). 2003. Vol. 31, No 4. P. 715–731. December. См. также: Сонин К. Институциональная теория бесконечного предела // Вопросы экономики. 2005. № 7.

политику защиты промышленности от конкуренции со стороны импортных товаров гораздо дольше, чем этого требовала экономическая эффективность; кроме того, государство слишком много и неэффективно инвестировало в экономику.

Например, в Нигерии правительство пыталось использовать доходы от нефти, инвестируя их в развитие промышленности, но так неудачно, что, несмотря на шестипроцентный рост капитальных вложений в год в течение двух десятилетий, промышленность стагнировала¹⁵.

Другой пример — Мексика. Как и Россия, это крупное федеративное государство с единственным большим городом, куда стекаются финансовые потоки. В течение почти шестидесяти лет у власти в стране находилась одна и та же партия. При этом политическая система содержала важные элементы избирательной демократии. Так, ни президентам, ни конгрессменам, избравшимся в условиях слабой конкуренции со стороны кандидатов от других партий, не позволялось занимать пост более одного срока подряд. После Второй мировой войны мексиканская экономика росла очень высокими темпами, но когда политика импортозамещения исчерпала свой потенциал, потребовались реформы. В этот момент наступили времена благоприятной сырьевой конъюнктуры: после скачка цен на углеводороды в 1973 г. оказалось, что экспорт нефти — а до этого почти вся добываемая нефть потреблялась внутри страны — самый простой и, главное, быстрый способ обогащения нации. Как говорил тогдашний президент Хосе Лопес Портильо, «нефть — это то, что обеспечивает нашу независимость и компенсирует наши недостатки». Поток нефтедолларов принес дешевые кредиты иностранных банков. В начале 1980-х годов за глобальным спадом последовало резкое снижение цен на нефть и долговое бремя оказалось непосильным. На выборы 1982 г. новому кандидату от правящей партии, Мигелю де ла Мадриду, пришлось идти под лозунгом преобразований, направленных прежде всего на уменьшение роли государства в экономике, которые на самом деле нужно было бы провести на десять лет раньше. Реформы — в том числе и либерализация торговли, и приватизация, и дерегулирование — увенчались успехом.

Отечественная история тоже знает примеры того, как внезапное появление дополнительного источника доходов позволяло отложить давно назревшие, необходимые преобразования. Наиболее наглядному из этих примеров посвящено недавнее исследование Е. Гайдара¹⁶. Речь идет об истории позднего СССР.

Так называемые «косыгинские реформы», начатые в середине 1960-х годов вскоре после прихода к власти нового руководства страны, стали ответом на снижение уровня жизни населения, что вызвало массовые забастовки и выступления рабочих в начале 1960-х годов. Целью реформ провозглашалось повышение эффективности плановой экономики за счет усиления стимулов экономических агентов. Однако в конце 1960-х годов в Западной Сибири открыли новые крупные месторождения газа и нефти. Впервые громко прозвучали названия таких городов, как Нефтеюганск, Нижневартовск, Сургут. В советскую экономику хлынули нефтедоллары. Фактически с этого момента реформы были приостановлены, а затем и просто похоронены.

В отсутствие эффективной политической системы, способной быстро и гибко реагировать на быстро меняющиеся экономические обстоятельства, «ресурсное проклятие» сыграло свою роль: открытие новых источников доходов позволило отказаться от необходимых преобразований. Более всего это было заметно в сель-

---

¹⁵ *Easterly W.* The Lost Decades: Explaining Developing Country Stagnation 1980–98 / Mimeo. World Bank, January 2000.

¹⁶ *Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.

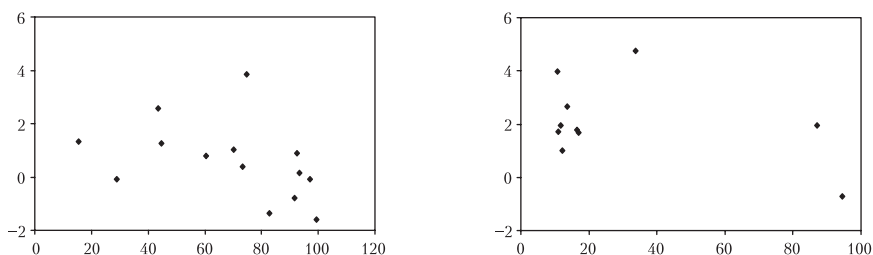
ском хозяйстве, где темпы прироста производства в 1974–1985 гг. отставали не только от показателей развитых стран, но и от среднемировых (почти в три раза!). К концу этого периода СССР занимал 90-е место в мире по урожайности зерновых и 71-е — по урожайности картофеля. Такое положение было обусловлено именно тем, что с появлением возможности закупать зерно за границей уменьшилась потребность в улучшении собственного производства (радикальном реформировании системы колхозов и совхозов). Попытка вновь вернуться к реформаторской повестке дня была предпринята только пятнадцатью годами позже — на первом этапе горбачевской «перестройки», когда кризис народного хозяйства стал очевидным и особенно чувствительным после резкого падения цен на нефть в начале 1980-х годов. Как заявил еще в 1988 г. один из руководителей Госплана СССР, «если бы не было Самотлора, жизнь принудила бы нас начать перестройку 10–15 лет назад».

Гипотеза о том, что «ресурсное проклятие» грозит прежде всего государствам со слабыми политическими институтами, подтверждается и опытом развитых стран: в них изменение конъюнктуры не приводит к ухудшению институтов. Норвегия, одна из самых богатых углеводородами стран, использовала дополнительные доходы от экспорта нефти для увеличения расходов на образование и создание стабилизационного фонда. Однако, поскольку ресурсы были открыты уже после того, как в стране сложились развитые политические и экономические институты, ресурсное изобилие не привело к долгосрочному замедлению темпов роста. Норвегия и сейчас — одна из самых богатых стран в мире.

Межстрановые исследования подтверждают гипотезу «условного проклятия». Как показано в работе Х. Мелума, К. Мене и Р. Торвика, отрицательная связь между ресурсным изобилием и темпами роста имеет место только для стран с плохими институтами; для стран с хорошими институтами зависимость статистически незначима (см. также рис. 1)¹⁷.

Этот эффект был эмпирически обнаружен в целом ряде эконометрических исследований межстрановых данных. Так, в работе

Средний темп экономического роста в 1975–2005 гг. (ось *y*) в зависимости от доли топливных ресурсов в экспорте стран в 1975 г. (ось *x*)
(для стран, где она превышала 10% в 1975 г.)

Примечание: на левом графике изображены недемократические страны (показатель DEMOC из Polity IV равен 0 в 1975 г.), на правом — демократические или частично демократические (показатель DEMOC больше нуля). На левом графике зависимость отрицательная (коэффициент $-2,2$, $t = 1,6$), на правом (если исключить Венесуэлу) — положительная и незначимая.

Источники: World Development Indicators; Polity IV; расчеты авторов.

Рис. 1

¹⁷ Mehlum H., Moene K. O., Torvik R. Institutions and the Resource Curse // The Economic Journal. 2006. Vol. 116, January. P. 1–20.

Е. Папиракиса и Р. Герлаха показано, что если в межстрановом исследовании темпов роста учитывать обычные для такого анализа переменные (ВВП на душу населения в начале периода), то ресурсное изобилие отрицательно влияет на рост. Если же добавить в регрессию те переменные, *посредством которых* оно отрицательно влияет на рост, — уровень коррупции, инвестиции, открытость экономики, уровень образования, то весь отрицательный эффект «передается» именно через эти показатели, а прямое влияние ресурсов на рост становится статистически незначимым¹⁸. Аналогичные результаты получены и в работе В. Тамбовцева и Л. Валитовой, где в качестве показателя институтов используется «демократическая традиция» (длительность истории демократии в стране); впрочем, в качестве зависимой переменной приняты не темпы роста, а уровень защиты прав собственности¹⁹.

Из этих работ следует, что если к моменту открытия ресурсов институты достаточно развиты (как в Норвегии), то дело ограничивается структурной деформацией и возможной стагнацией, если же нет (как в Нигерии) — то может произойти разрушение институтов, что, в свою очередь, чревато возникновением глубокого кризиса при падении цен на ресурсы.

Например, самая богатая нефтяными резервами (и до недавних пор крупнейшей производитель нефти) Саудовская Аравия в 1977 г. характеризовалась более высоким ВВП на душу населения, чем любая западная страна (и уступала лишь Кувейту). Впрочем, падение цен на нефть в 1980-е годы привело к сокращению ВВП на душу населения *вдвое*, и с тех пор этот показатель практически не вырос.

Однако легко сказать, что в Норвегии хорошие институты, а в Нигерии или Саудовской Аравии — плохие. А какие они в России или Венесуэле, находящихся в середине любого рейтинга институтов? Институты, определяющие правила игры, в соответствии с которыми взаимодействуют люди и компании, — исключительно трудноуловимая субстанция. Если речь идет об институтах, которые меняются десятилетиями, — система права, традиции делового оборота и уровень доверия в бизнесе, то не очень понятно, как отделить их влияние от других страновых факторов (например, географических). Ведь все межстрановые исследования экономического роста используют данные всего лишь за 40—50 лет (надежная довоенная статистика о ВВП на душу населения существует лишь для развитых стран).

Поэтому приходится искать те институты, которые меняются быстро. Это, в частности, свобода слова и уровень демократии. Публицист Т. Фридман вывел «основной закон нефтяной политики» (чем выше цены на нефть, тем меньше свободы), сравнивая динамику мировых цен на нефть и индекс свободы в России, Нигерии и Венесуэле²⁰. Политолог М. Росс на основании анализа куда более обширной базы данных выяснил, что чем больше запасы природных ресурсов, тем

---

¹⁸ Papyrakis E., Gerlagh R. The Resource Curse Hypothesis and Its Transmission Channels // Journal of Comparative Economics. 2004. Vol. 32. P. 181—193.

¹⁹ Тамбовцев В., Валитова Л. Ресурсная обеспеченность страны и ее политико-экономические последствия // Экономическая политика. 2007. Т. 3, № 7.

²⁰ Friedman T. The First Law of Petropolitics // Foreign Affairs. 2006. May/June.

меньше шанс, что в стране будет демократический режим²¹. Это правило выполняется, даже если учесть многочисленные дополнительные факторы, включая возможную принадлежность страны к регионам, в которых диктатуры преобладают.

Механизмы «ресурсного проклятия»

Итак, межстрановые исследования показывают, что нефтяное изобилие отрицательно влияет на экономический рост в странах с несовершенными институтами. Основная гипотеза заключается в том, что в таких странах борьба за нефтяную ренту подрывает политические и экономические институты. Однако вышеописанные межстрановые регрессии по методу наименьших квадратов (МНК) не вполне убедительны: что, если имеет место обратная причинно-следственная связь? Или и институты, и нефтяное изобилие коррелированы с какими-нибудь другими страновыми характеристиками?

В последние годы появился ряд работ, которые используют более совершенные эконометрические методы. Некоторые из этих исследований также дают возможность заглянуть внутрь «черного ящика» «ресурсного проклятия» и понять, как именно нефтяное изобилие влияет на конкретные институты.

Открытие месторождений и демократические институты: использование инструментальных переменных

Одно из главных эконометрических решений проблемы двусторонней причинно-следственной связи — подход инструментальных переменных. С одной стороны, ясно, что нефтяное изобилие R и политические институты I влияют друг на друга. С другой стороны, если мы обнаружим какой-нибудь внешний фактор Z , который непосредственно влияет только на нефть, то будем знать, что корреляция между изменениями Z и I объясняется следующей цепочкой эффектов: внешний фактор Z изменяет нефтяное богатство R , которое, в свою очередь, влияет на институты I .

Именно этот подход применил К. Цуй, изучивший влияние нефтяного богатства на уровень демократии на основе данных об открытиях новых нефтяных месторождений²². Чтобы учесть эндогенность таких открытий, он использовал данные о расходах на разведку месторождений. Результаты его работы подтверждают вышеизложенные гипотезы: с учетом расходов на разведку открытие новых нефтяных резервов приводит к снижению уровня демократии в стране в ближайшие 30 лет. Эффект достаточно сильный — открытие резервов в 100 млрд барр. обуславливает снижение показателей демократии на 30%.

²¹ Ross M. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics. 2001. Vol. 53, No 3. P. 325–361.

²² Tsui K. More Oil, Less Democracy? Theory and Evidence from Crude Oil Discoveries / Mimeo. University of Chicago, 2005.

*Нефть, свобода прессы и права собственности:
использование панельных данных*

Еще один подход к решению методологических проблем МНК — использование панельных данных. Если рассмотреть данные по многим странам за несколько периодов, то можно сопоставить влияние нефтяного изобилия на качество институтов для каждой отдельной страны. Это позволяет учесть все ее характеристики, не изменяющиеся со временем, и выделить влияние меняющихся, в том числе и нефтяных резервов. Проблема названного подхода состоит в том, что здесь требуются данные за очень длительный период, которых просто нет. Кроме того, добыча нефти началась только в середине XIX в. До начала XX в. главным топливным ресурсом был уголь, а сопоставлять данные по нефтяному и угольному богатству с учетом быстрого изменения технологий крайне затруднительно.

В то же время есть институты, которые меняются со временем достаточно быстро, например свобода прессы. Во многих странах показатели свободы прессы по версии Freedom House (по шкале от 0 до 100) изменяются на 30–40 пунктов в течение нескольких лет. Поэтому для них можно использовать анализ панельных данных. Именно это и было сделано в нашей работе²³. Мы рассмотрели данные по всем странам за 1993–2005 гг. и показали, что свобода прессы отрицательно зависит от нефтяных резервов (с учетом фиксированных эффектов для каждой страны и каждого года, а также ВВП на душу населения, уровня демократии, размера государства и других переменных). Причем указанный эффект присутствует в недемократических странах, а в странах с развитой демократией (порог — уровень демократии Бразилии) связи между нефтью и свободой прессы нет (см. рис. 2 и 3).

Наше объяснение этого эффекта очень простое: в недемократических странах правительство нуждается в независимой прессе, которая служит механизмом обратной связи и позволяет создавать стимулы для бюрократии. Это особенно важно именно для недемократических стран, так как в демократических есть и другие каналы обратной связи — система сдержек и противовесов, парламентская оппозиция и гражданское общество. В то же время недемократическое правительство обоснованно боится свободы прессы, поскольку в той степени, в которой она предоставляет правительству информацию о неудачах бюрократии, она дает возможность оппозиции координировать свои действия против него. С точки зрения правительства, оптимальный выбор уровня свободы прессы зависит от нефтяного богатства. Во-первых, чем выше нефтяная рента, тем больше доходов у правительства и тем больше оно боится смены власти. Во-вторых, высокие доходы от нефти позволяют компенсировать ошибки бюрократии, поэтому не так важны стимулы для нее и не нужны механизмы обратной связи.

---

²³ Egorov G., Guriev S., Sonin K. Media Freedom, Bureaucratic Incentives, and the Resource Curse // SSRN [Электронный ресурс]. July 2007 (<http://ssrn.com/abstract=898888>). См. также: Гуриев С., Егоров Г., Сонин К. Свобода прессы, мотивация чиновников и «ресурсное проклятие»: теория и эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2007. № 4.

**Цена на нефть (ось x) и свобода прессы (ось y)
в некоторых богатых нефтью странах, 1993–2005 гг.**

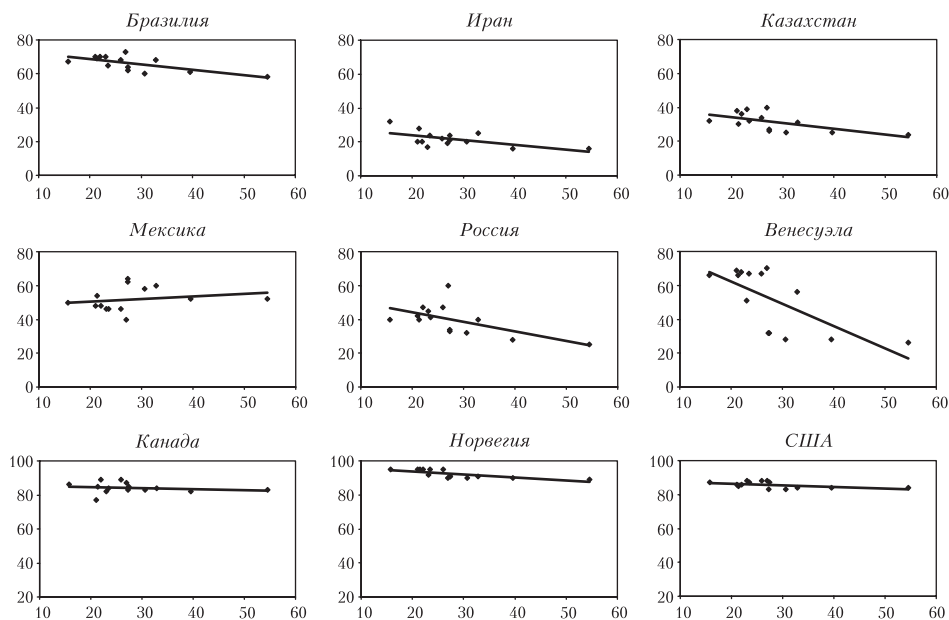

Рис. 2

**Нефтяные резервы (млрд барр. в логарифмическом масштабе, ось x)
и свобода прессы (ось y) в некоторых богатых нефтью странах,
1993–2005 гг.**

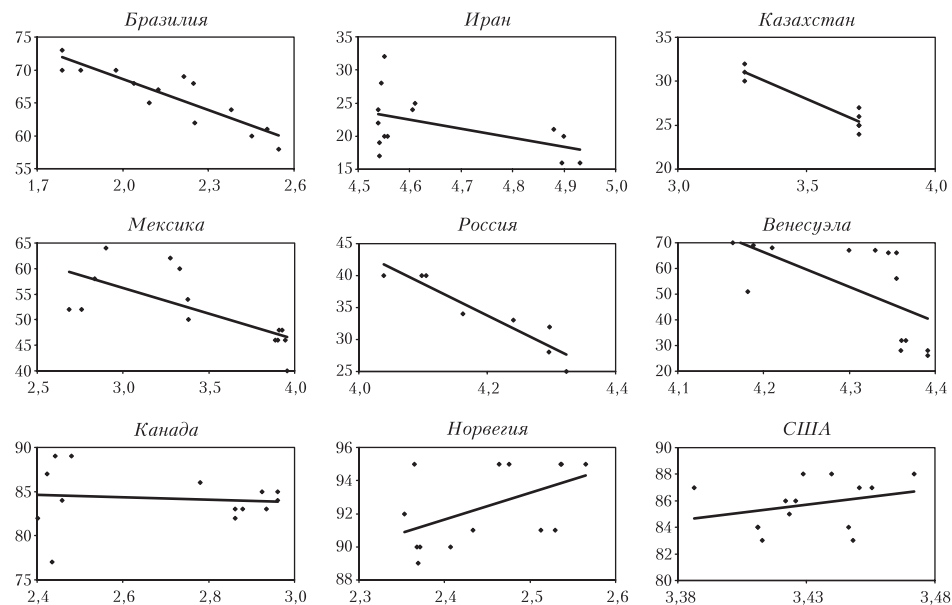

Рис. 3

Примечание к рис. 2–3: в менее развитых странах имеет место значимая отрицательная зависимость, в более развитых (Канада, Норвегия, США) — зависимость статистически незначима или положительна.

Источник (рис. 2–3): Egorov G., Guriev S., Sonin K. Op. cit.

Сложность работы с медленно меняющимися институтами видна на примере самого важного института — прав собственности. Этот механизм «ресурсного проклятия» исследуется в упомянутой работе В. Тамбовцева и Л. Валитовой. Поскольку они рассматривают индикатор прав собственности Freedom House, это ограничивает выборку 17-ю годами (1988—2004 гг.), что, в свою очередь, не дает возможности использовать методы анализа панельных данных (указанный индикатор за это время изменился мало). Для более длительного периода приходится использовать не индексы, а данные о фактических экспроприациях.

Такие данные существуют применительно к национализациям иностранных активов. На протяжении последних 50 лет в мире было несколько волн национализации иностранных нефтяных компаний: во-первых, во время обретения независимости бывшими колониями в 1950—1960-е годы; во-вторых, в период высоких цен на нефть в 1970-е годы; в-третьих, в период высоких цен на нефть в последние два года (Венесуэла, Боливия, события вокруг проекта «Сахалин-2» в России и месторождения Кашаган в Казахстане).

В нашей работе мы рассматриваем факторы, определяющие вероятность национализации нефтяных компаний, используя панельные данные по всем странам²⁴. К сожалению, надежные данные о нефтяных резервах до 1980 г. отсутствуют, так что мы вынуждены ограничиться исследованием эффекта цен на нефть (и фиксированных эффектов для стран). Оказывается, что вероятность национализации положительно зависит от них и отрицательно — от уровня развития политических институтов (с учетом фиксированных эффектов для каждой страны, а также ВВП на душу населения, образования и других переменных). В качестве показателя развития политических институтов мы рассматриваем уровень демократии и показатель наличия сдержек и противовесов, ограничивающих исполнительную власть. Полученные результаты вполне соответствуют интуитивным представлениям — чем выше цена на нефть, тем больше соблазна отобрать нефтяную компанию; политические институты ограничивают возможности экспроприации, так как подотчетное правительство должно учитывать отрицательное влияние нарушения прав собственности на инвестиционный климат.

Нефть, корпоративное управление и человеческий капитал: подход «различий в разностях»

Корпорации, получающие нефтегазовую ренту, хорошо понимают, что если цены на нефть высоки, а политические институты не развиты, то вероятность экспроприации возрастает. В работе С. Гуриева и А. Дурнева показано, что это отрицательно влияет на корпоративную прозрачность на уровне каждой компании и отрасли в целом²⁵. В принципе в этом нет ничего нового. Еще А. Смит писал: «Конечно, в тех несчастных странах, где люди постоянно опасаются насилия

---

²⁴ Guriev S., Sonin K., Kolotilin A. Risk of Nationalization / The Global Institute China—Russia Conferences, 3rd Annual International Conference “Resources, Energy, and Institutions for Sustainable Development”. 2007. Published in Proceedings volume.

²⁵ Durnev A., Guriev S. The Resource Curse: A Corporate Transparency Channel // SSRN [Электронный ресурс]. 2007 (<http://ssrn.com/abstract=1020476>).

со стороны вышестоящих, они часто закапывают и прячут большую часть своих капиталов, чтобы всегда иметь их под рукой и иметь, таким образом, возможность унести вместе с собою в какое-нибудь безопасное место, если им грозит одна из тех бед, которые они имеют основание ожидать для себя каждую минуту»²⁶.

Однако только в последние годы появились данные, позволяющие измерять корпоративную прозрачность и соответственно исследовать, от чего она зависит и к чему приводит ее снижение. Для изучения этого вопроса мы используем не просто анализ панельных данных с фиксированными эффектами, а еще более убедительный эконометрический метод «различий в разностях» (difference-in-difference, DID), суть которого заключается в следующем. Предположим, что внешнее воздействие X влияет на характеристику Y объекта исследования в зависимости от его свойств Z . Тогда можно сравнить различия в соотношении между X и Y в зависимости от значения Z . Если наша гипотеза верна, то различия в разностях будут статистически значимыми.

Один из самых знаменитых примеров такого подхода — исследование Р. Раджана и Л. Зингалеса, посвященное оценке влияния финансового развития страны на экономический рост²⁷. Так как в межстрановых и даже в панельных регрессиях трудно выделить причинно-следственную связь, они используют подход DID следующим образом. Предполагается, что некоторые отрасли в большей степени зависят от финансового развития, чем другие, и рост финансово зависимых отраслей (по сравнению с теми, которым не так сильно требуются финансовые рынки и банки) выше в странах с более высоким уровнем финансового развития. Остается лишь проранжировать отрасли по степени финансовой зависимости. Для этого Р. Раджан и Л. Зингалес просто предположили, что уровень финансового развития США близок к идеальному, поэтому в качестве характеристики финансовой зависимости отраслей можно рассмотреть степень использования внешних финансов в соответствующей отрасли в США (затем они исключили их из дальнейших регрессий).

В указанной работе С. Гуриева и А. Дурнева этот подход получил дальнейшее развитие. В ней используется вариация по трем направлениям: во-первых, между отраслями (измеряется зависимость отрасли от цен на нефть на основе американских данных о чувствительности к ним прибыли компаний); во-вторых, между странами (уже упоминавшиеся показатели развития политических институтов); в-третьих, во времени (различие в уровне цен на нефть и нефтяных резервов). Поэтому можно одновременно оценить, насколько уровень прозрачности ниже в нефтяных отраслях (по сравнению с прочими) в странах с неразвитыми институтами (по сравнению со странами с развитыми институтами) и в годы высоких цен на нефть (по сравнению с периодами низких цен); при этом учитываются фиксированные эффекты для каждой отрасли, каждой страны и каждого года.

Оказывается, уровень корпоративной прозрачности действительно ниже именно в нефтегазовых отраслях в странах с худшими институтами и в период более высоких цен на нефть (см. рис. 4). Более того, в этом случае снижение прозрачности приводит к менее

²⁶ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов: В 2 т. М.: Наука, 1993 (1776). Кн. 2, Гл. 1.

²⁷ *Rajan R., Zingales L.* Financial Dependence and Growth // *The American Economic Review.* 1998. Vol. 88. P. 559–586.

эффективной работе рынков капитала и замедлению роста в данных отраслях. В работе используются три различных показателя корпоративной прозрачности, и все они дают одинаковые результаты.

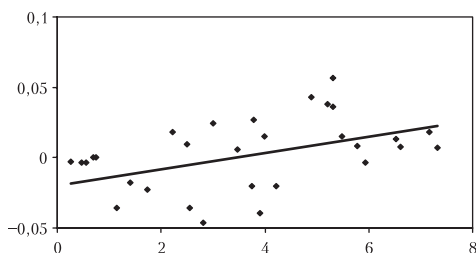
Другой пример применения подхода Раджана — Зингалеса — работа Е. Сусловой и Н. Волчковой о взаимодействии человеческого капитала и «ресурсного проклятия»²⁸. В ней рассматривается влияние нефтяного изобилия на рост отраслей

в зависимости от их спроса на человеческий капитал. Авторы оценивают потребности в нем в различных отраслях США, а затем определяют, насколько в других странах отрасли, в большей степени нуждающиеся в человеческом капитале самого высокого уровня, сильнее страдают от нефтяного изобилия. Оказывается, такой эффект действительно имеет место, причем его величина существенна. Например, сравним рост машиностроения (75%-квантиль среди отраслей США по спросу на человеческий капитал) и пищевой промышленности (25%-квантиль в США) с теми же показателями в стране, богатой ресурсами, такой, как Канада (75%-квантиль в рейтинге ресурсного изобилия), и в Швеции (25%-квантиль). Различие в темпах роста оценивается на уровне 4,7% годовых; это величина достаточно большая, так как в среднем по выборке темп роста отраслей составляет 5,4% в год.

* * *

Страны, в экономике которых доминируют природные ресурсы, характеризуются — при прочих равных условиях — более низкими темпами экономического роста. Этот факт, который часто называют «ресурсным проклятием», не объясняется макроэкономической «голландской болезнью». «Ресурсное проклятие» связано с закономерностями развития политических и экономических институтов. Оно поражает в первую очередь те страны, в которых институты не развиты. Более того, его основной механизм — дальнейшее разрушение институтов. Таким образом, в России хотя и нет «голландской болезни», но наблюдаются типичные симптомы «ресурсного проклятия»: ограничивается свобода слова, усиливаются авторитарные тенденции, сохраняется массовая коррупция, снижается уровень образования и квалификации трудовых ресурсов. Судя по опыту других стран, в долгосрочной перспективе это может привести к самым отрицательным последствиям.

Зависимость корпоративной непрозрачности (ось y) в нефтегазовых отраслях (по сравнению с остальными) от незащищенности прав собственности (ось x)

Источник: Durnev A., Guriev S. Op. cit.

Рис. 4

²⁸ Suslova E., Volchkova N. Human Capital, Industrial Growth and Resource Curse // NES Working Paper WP2007/075.